

The book cover features a dark, textured black background. It is framed by a dense border of red poppies with dark blue centers and green, serrated leaves. Some leaves show signs of aging, turning a yellowish-brown. The title is written in a large, stylized, red Cyrillic font. The author's name is at the top, and a rating is in the bottom right corner.

МАРИЯ
КАСНАРЬЕВА

КОГДА
УМИРАЮТ
ТАКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Васильева

Когда умирают маки

«Автор»

2026

Васильева М.

Когда умирают маки / М. Васильева — «Автор», 2026

ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ! ПРИСУТСТВУЕТ ОТПИСАНИЕ СЦЕН НАСИЛИЯ, СМЕРТИ! ЧИТАЙТЕ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ!. «Они приходят ко мне в осознанных снах. Один — хранитель маковых полей, принц, которого боятся по факту его существования. Второй — добрый лекарь, к которому тянутся бедные несчастные души. Они живут в моих снах и не дают покоя. Говорит ли это о том, какую роль играю я для себя самой?..»

© Васильева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Нервы.	6
Глава 2. Май посреди осени.	9
Глава 3. Судьба.	14
Глава 4. Необходимость.	19
Глава 5. Культ добродетели.	24
Глава 6. Праздник очищения души.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Васильева

Когда умирают маки

Предисловие

Подрагивающие на ветру алые волны бескрайнего моря. Необъятная синева летнего неба без единого облака.

Изящная молочной белизны ладонь с длинными тонкими пальцами, униженными парой серебряных колец, проводит по кивающим маковым головкам. Дети, в ответ сгибаясь ниже, кланяясь с большей охотой, приветствуют своего покровителя.

Остроносые ботинки, осторожно прокладывая путь в гущу растений, поблёскивают лакированной поверхностью. Хозяин не боится их запачкать. Обычно безупречный вид — самое малое, чем может пожертвовать он ради своих детей.

Глава 1. Нервы.

Черепно-мозговые нервы! Чёртовы черепно-мозговые нервы!

Из зеркала, висящего напротив рабочего стола, смотрели злобные глаза. Настолько, что становилось не по себе. На что я злилась? На анатомию? На сложный материал? На обязанность сидеть весь день за зубрёжкой вместо прогулки по осеннему парку? На саму себя из-за того, что я совершенно беспомощна?

К чёрту!

Книга захлопнулась с сильным шумом, и я почувствовала, что вот-вот от бессилия расплачусь. За год обучения в медицинском шутка о призыве демона при неправильном произнесении латинских слов меня порядком достала, но сейчас я бы не отказалась, если бы он возник из ниоткуда и предложил забрать у меня душу в обмен на избавление от этих мук.

— Ты чего гремишь? — недовольное лицо Кати показалось из кухни.

— Анатомия...

— А-а, — протянула она. — Коллоквиум только послезавтра. Чего ты так психуешь?

— Разве есть смысл, завтра он или через неделю, если мне выучить это не под силу?

Катя вышла, встала напротив, уперев руки в бока, и приказала:

— Ну-ка вставай! Иди продышись. Успокоишься, и материал лучше уляжется. Нельзя так себя изнурять!

Поправив очки, она вновь ушла на кухню, оставив меня один на один с моим противником. Может, действительно стоит пройтись?

Небо заволокли белёсые облака, то и дело поднимался ветер, подгонял редкие, не прилипшие к грязи жёлтые листья. Пахло свежестью и... вечностью. Именно вечностью пахнет пожухлая листва, которая, оторвавшись от родного дерева, собирается в последний путь. Лужи превратились в грязь, и лишь они одни портили впечатление от погоды. В остальном она соответствовала моему душевному состоянию. Не отправиться ли и мне вслед за листвой?

Анатомия, если признаться, была не только моим злейшим врагом, но и верным помощником: именно она спасала от непрерывно атакующих в последнее время тяжёлых мыслей. Слишком много всего. Слишком мало меня, чтобы всё это разрешить.

За поворотом показался вход в парк с массивным старым дубом у ворот. Вскоре стемнеет, и над ними зажжётся фонарь, осветит кованую ограду. Вслед за ним, по цепочке, небольшими всполохами загорятся фонари по краям прогулочных дорожек. Неделию назад под этим самым фонарём я поставила точку в отношениях с Никитой. Зачем я снова пришла беречь незатянутые раны?

Легче думать, что никто не виноват в том, что мы разные. Легче быть слепой. У Никиты слишком обширный круг знакомств, в котором я терялась. Вроде была его девушкой, вроде он и говорил, что любит, вроде заботился. А тепла как такового я не чувствовала. И в чём была проблема? Я думаю: что, если я могла измениться? Что, если у нас всё было не настолько сложно и неисправимо? Или мог измениться он? Да чем он, собственно, меня не устраивал? Лишь тем, что ни в каком виде не принимал мою личность. Но это ли не мелочи?

Ха.

Впрочем, что было — то было, верно? Поэтому я шагнула за ворота парка и двинулась по аллее. Она ещё желтела редкими пятнами деревьев и подстриженных кустов, высаженных вдоль дорожек. Кто за ними следит?

Не важно...

Неровный асфальт блестел от недавно прошедшего дождя. В зеркальной поверхности его отражались размытые силуэты прохожих.

— Папа! Покатай! Ну, покатай! — канючила маленькая девочка, совсем кроха, дёргая мужчину с бородой за рукав серого двубортного пальто. Он нехотя пригнулся, взял дочку на руки и легко посадил себе на шею. От восторга малышка звонко рассмеялась, как колокольчик, и, дёрнув ножками, оставила на одежде отца пятна свежей грязи. Шедшая рядом симпатичная женщина в спортивном костюме радостно заулыбалась, не обращая на такую мелочь, как грязь, внимание. Это, должно быть, была мама.

«Интересно, — невольно подумала я, — он тоже...»

Нет! Нет! Проецировать незачем! Впрочем, что если и так? С тех пор, как папа признался маме в измене, я иначе посмотрела на людей. Раньше, что бы ни происходило в семьях вокруг, я всегда искренне веровала в любовь, так как имела перед глазами пример в лице своих родителей. Теперь же моего Бога распяли.

Я даже посчитала, что с Никитой мы расстались очень счастливо и удачно. Любила ли я его настолько, чтобы по-настоящему жалеть о расставании? Нет. Были ли у меня серьёзные планы на будущее с ним? Тоже нет. Мы сошлись внезапно, не успели привыкнуть друг к другу, и так же внезапно разошлись. Жалеть здесь не о чем. Но какой-то неприятный груз всё ещё чувствуется.

Невольно я оглянулась на счастливую молодую семью и почувствовала, как тёплая влажная дорожка пролегла по моей щеке. Когда-то у нас было точно так же. Идиллия. Счастье. Никак ссор, никакого недопонимания. Поддержка и взаимовыручка. Чего отцу не хватало? Вскоре парк опустел, и я явственнее ощутила своё одиночество.

Старое дерево у входа совсем опало. Лишь один колыбался лист у самой верхушки.

Я этот лист.

Катя, напевая что-то под нос, расставляла тарелки на кухонном столе. Её короткие кудрявые волосы в болезненном свете единственной лампочки казались объатыми пламенем. И она, как яркий неугасающий огонёк, освещала помещение улыбкой.

Стипендия пришла сегодня, поэтому нас ожидал королевский ужин: Катя утром доехала до рынка и купила баранины для плова и фарша для пирога. Не скажу, что в остальные дни мы питались плохо, но мясо покупали нечасто, и по большей степени не было настроения на готовку. Ни у меня, ни у неё. Пришедшие деньги же обычно вдохновляли устроить праздник.

— Вот это ты наготовила! — сказала я вместо приветствия.

От улыбки в уголках губ Кати наметились ямочки.

— Садись. Я уже накрываю на стол.

— Я не голодна.

Лицо Кати вмиг стало серьёзным.

— То есть как? Ты не ешь вторые сутки!

— Я купила пирожок по дороге, — соврала я.

Подруга мне не поверила.

— Майя, ну-ка напомни, кто из нас двоих учится в меде? — Она сделала паузу. — Так почему мне необходимо говорить о важности еды для организма?

— Я... — в глазах застыли слёзы. Даже через силу я не могла проглотить и крошки. Всё возвращалось обратно, будто самоуничтожительные мысли, заполнив собой голову, перебрались в желудок и заняли его целиком, не оставив места еде.

— Майя... — Катя остановилась на полуслове. Она погладила меня по плечу. — Съешь хоть чуть-чуть. Я тебе положу только две ложки. Идёт

? Я наверняка знала, что и две ложки съесть не смогу. Тем не менее, чтобы успокоить Катю, я кивнула. Она просияла:

— Ну вот! Плов получился для первого раза отпадным! Тебе понравится.

— Для первого? Разве весной ты его не готовила?

Катя отмахнулась:

— Да какой это плов? Рис и морковка! Вот это, — она указала на полный золотистого риса казан, — это — плов.

Снимали мы однушку, так что приходилось ютиться вдвоём на сравнительно небольшой площади. Спали на одной кровати, толкались в крохотной кухоньке, подолгу ждали очередь в ванную, смежную с туалетом. Но, так как мы обе не тусовщицы, сами по себе достаточно чистоплотны и с пониманием относимся, если кто-то из нас устал и не в силах выполнить домашние обязанности по установленному графику, минусы совместного проживания на тесноте и заканчивались. Выложенные серым потрескавшимся кафелем стены отражали мертвенный свет лампочки. От крючка, на котором висела люстра, шла глубокая трещина. Как только мы заехали в квартиру, было негласно решено под люстрой не проходить, а стол отодвинуть так далеко, насколько позволяла площадь. Оставалось лишь надеяться, что соседи сверху не осчастливят нас внезапным и оригинальным визитом.

Со своей скромной порцией я справилась на удивление быстро. Катя же ела медленно, так как рот её был занят разговорами: она пыталась меня отвлечь. А я слушала и не слушала одновременно. Много ей радости возиться со мной, поднимать настроение, которое всегда ниже нуля? Очень сомневаюсь.

— Как на учёбе дела? — спросила я из вежливости.

Катя, не дожидаясь, начала рассказывать:

— Да ничего интересного особо. Петя опоздал на полпары, а потом зашёл посреди занятия, будто так и задумано. Анна Ивановна офигела, конечно. Причём настолько, что даже не ответила ничего. Так и сидела с открытым ртом, — она рассмеялась. — Хамство хамством, но если его числанут, будет скучно.

— Долго у вас держат таких персонажей, — вздохнула я. — В нашей группе уже всех отчислили. Скучно, но спокойно. Лиза вообще не занималась целый год. Ужас, как бесила! Ладно — сама не занимается, но зачем отвлекать остальных просьбами о конспектах и прочем? Хорошо, если бы причина была уважительной. А ей было просто, видите ли, лень учиться. Извините, за неё это делать никто не собирается.

Настроение было ни к чёрту, и на весёлый рассказ Кати я ответила довольно токсичной тирадой. Но вовремя замолчала и вперила взгляд в тарелку, где одиноко остались лежать две рисинки. Вот опять! Катя этого заслуживает? Ей будто хорошо и весело живётся! У неё свои проблемы, свои переживания...

— Я вчера закончила смотреть сериал. Там такой финал! — После непродолжительной паузы решила разбавить атмосферу Катя. — Хочешь, расскажу?

Я вымученно улыбнулась:

— Прости, — вилка звякнула в отодвинутой пустой тарелке, — я бы поспала. Очень устала. Ты не обидишься?

Идиотка! Могла бы выслушать. Тяжело, да? Ты не думаешь, что она тоже может быть одинока?

Катя посмотрела на меня с глубоким сочувствием, погладила по руке и сказала:

— Когда-нибудь в следующий раз расскажу. Спокойной ночи. Не переживай — я помою.

Тошноты от еды впервые за эти дни я не ощущала. И впервые по-настоящему захотелось спать. Мягкая подушка и тёплое одеяло сделались несравненно уютными. Даже мысли вдруг перестали настойчиво гудеть. Я справлюсь. Я исправлюсь. Почти сразу после того, как голова опустилась на подушку, я погрузилась в сон.

Глава 2. Май посреди осени.

Сквозь веки пробивался яркий свет, воздух стал удивительно чистым. Где я? Открыла глаза и обнаружила себя лежащей в высокой дикой траве под ярко-голубым небом. Было тихо и спокойно, лишь под ухом стрекотали насекомые, а в отдалении куковала кукушка. Неужели такой красочный сон? Удивительно!

Я поднялась, решила осмотреться и поняла, что могу полностью управлять собой, как в реальности. Это открытие меня сильно порадовало. Хоть бы это был счастливый романтический сон. Мне такие редко снятся. Откровенно говоря, сны я очень плохо запоминаю. Помню только по остаточным ощущениям: мне тревожно — значит, во сне я увидела нечто страшное, спокойно — значит, приснилось что-то хорошее. И вот мне удалось полностью погрузиться в сон, этим нужно воспользоваться по полной.

Я находилась в незнакомом месте посреди поляны, окружённой высокими соснами, и едва ли могла понять, куда мне идти. Был полдень или около того, и солнце стояло высоко, нещадно припекая. Я решила двинуться в лес, найти тень и, если получится, речку или ручей: несмотря на то, что это был сон, я ощущала сильную жажду. Должно быть, Катя в плов положила слишком много специй.

Сделав около десяти шагов в щекотной траве, вышла к узкой тропинке. Не заросшая. Значит, в этом месте кто-то живёт и довольно часто ходит в этом направлении. Тропинка вела напрямик в лес. Там в кронах деревьев своим ходом шла иная жизнь. Птицы делились сплетнями, хохотали, их голоса переливались далеко в вышине и волнами спускались вниз. На одном из стволов мелькнул серо-оранжевый хвост: должно быть, это была белка. Солнце здесь не так сильно грело, но лучи его заботливо касались каждой травинки, каждой веточки.

Хорошо. Поразительно спокойно. Вот бы остаться здесь насовсем!

Вдруг вдалеке послышался пронзительный собачий лай, и я напряглась. По спине пробежал холодок. Не то чтобы я боялась собак, но не с каждой хочется встречаться. А если это волк? Волки лают? Хотя, возможно, где-то поблизости живёт охотник, именно он протоптал здесь тропинку и сейчас охотится со своей собакой в лесу. Хоть бы не пристрелил!

Лай тем временем приближался, звучал уже совсем близко, и я постаралась себя успокоить: собаки видят физиологические проявления страха. Я встала за ближайшее дерево и притаилась.

— Лайла! Лайла, ты куда? — послышался запыхавшийся голос. Молодой и достаточно звонкий, мелодичный, но однозначно мужской. — Ты куда так сорвалась? Что там увидела?

Вскоре совсем рядом я услышала учащённое дыхание, развернулась и встретила с радостными, заинтересованно смотрящими собачьими глазами. Это была очень красивая русская псовая борзая. Она подошла совсем вплотную, и страх во мне начал нарастать, когда собаку окликнули:

— Лайла! Ну что за невоспитанность? Ты совсем напугала человека! К ноге!

Борзая послушно развернулась и села у ног хозяина, всё так же откровенно оценивая меня взглядом. Я ожидала увидеть рядом с ней охотника, но у стоявшего передо мной человека не было ни ружья, ни даже лука и стрел. Это был совсем молодой мужчина чуть выше меня, с длинными белыми волосами, струящимися по плечам. С боков они были собраны и заплетены в две соединяющиеся на затылке косы. Парень был стройным, подтянутым, одетым в широкую льняную рубашку, распахнутую на груди, пересечённую лямкой от сумки, и коричневые брюки из неизвестной мне жёсткой на вид ткани. Ноги его были необуты, и я почувствовала покалывание в пятках, будто сама пробежалась по камням и опавшим иголкам.

— Здравствуй, — он сделал шаг навстречу. — Кажется, я тебя раньше здесь не видел.

— Здравствуй, — я не знала, что ответить, и от этого почувствовала лёгкую тревогу, — я заблудилась.

Молодой человек улыбнулся тепло и приветливо. Он был достаточно приятной наружности, смотрел прямо и открыто, и мне стало чуть спокойнее.

— Откуда ты?

Я растерянно огляделась, будто пытаюсь найти тот самый проход, из которого я пришла, дверь, на которую могу указать и ответить: «Отсюда».

— Если говорить начистоту, всё это мне снится. Ты, кстати, тоже.

Незнакомец заметно удивился. С минуту молчал, видимо, обдумывая ответ. Всё это время он непрестанно разглядывал меня, отчего я смутилась.

— Не думаю, что это сон, — тихо просипел он. — По крайней мере, я ощущаю себя вполне реальным. Это леса земли Забвенья. Как ты здесь очутилась?

И как доказать человеку, что он мне снится?

— Сегодня я заснула и почти сразу открыла глаза здесь, на поляне в той стороне, — я указала туда, откуда пришла.

От дуновения ветерка лёгкие волосы упали незнакомцу на лицо, он нетерпеливо убрал их за ухо. Вид его был в крайней степени озадаченным, но я бы не сказала, что в этом облике сквозило недоверие.

— Заснула не на поляне? А где?

— В своей кровати, где же ещё?

— А конкретнее? Мне стоит понимать, насколько далеко от своего дома ты находишься.

— Россия тебе о чём-нибудь говорит?

Парень совсем растерялся. Он сделал такое лицо, что его даже стало жаль.

— Это такая страна? — шёпотом уточнил он.

— Да, — шёпотом ответила я.

Он отвёл глаза, отчаянно задумался.

— Ни разу не слышал. Где это?

— Как я могу сказать, если не знаю, где сейчас нахожусь?

— Резонно... — протянул молодой человек спустя какое-то время и сощурился: — Может, ты шпионка?

Я снова ощутила тревогу, но он поспешил меня успокоить:

— Не думаю, что ты шпионка, не пугайся. Я всего-навсего буду начеку, — успокоил. — Но всё же: что произошло? Может, тебя похитили?

— Нет, — но тут же засомневалась: не ложные ли это воспоминания? Точно ли я — это я? И точно ли всё, что я помню о своей жизни, действительно происходило со мной?

— Ты не ранена? Голова не кружится? — прервал мои размышления незнакомец. Мне показалось, он решил, что я больна. Пожалуй, если бы мне кто-то сказал, что я — всего лишь чей-то образ во сне, я бы тоже усомнилась в психическом здоровье этого человека.

Я прислушалась к ощущениям и отрицательно мотнула головой.

— Тем не менее, пойдём со мной. Я лекарь. Может, помогу тебе привести мысли в порядок. Меня зовут Май.

— Майя.

Рука его была широкой, кожа шершавой: видно он постоянно был занят ручным трудом.

— Майя! — радостно воскликнул он. — Как интересно выходит: ты моя тёзка...

Вскоре мы вернулись на поляну. Лайла, радостно виляя хвостом, всё это время следовала рядом, забегая вперёд, оглядываясь на нас со своеобразной собачьей улыбкой, отставая, а потом снова нагоняя, играясь. Она увидела, что Май расположен ко мне, поэтому следовала его примеру и приняла меня, как свою.

— Расскажи о себе, — попросил молодой человек. — Мне девятнадцать. Я учусь в медицинском университете на лечебном факультете...

— Прости, — перебил Май, — я не совсем понимаю, о чём ты говоришь.

Как тяжело! Ну почему же ты не понимаешь, если твой образ находится в моём сознании?

— У вас нет учебных заведений?

— Есть. У нас один институт, учат там разным предметам, но профессии передаются из поколения в поколение. И как понять «лечебный факультет»?

— Ну, после него ты можешь стать каким-нибудь врачом: терапевтом, хирургом... Есть ещё стоматологический, педиатрический факультеты.

— Как много непонятного для меня... Я сейчас как раз по работе ходил в лес, так сказать. Собираю сосновую кору, которую можно использовать против насморка.

— Правда? — только и сказала я.

— Ты не знала об этом? Вас такому не учат?

Я шумно втянула воздух.

— Методы лечения у нас несколько иные.

Май приподнял брови.

— У вас лечат по-другому?

Я задумалась, как бы правильно преподнести ему информацию. Всё же фармакологии у нас ещё не было, по этой части я не сильна.

— Скажем так: у нас всё куда более развито.

Май встрепнулся:

— Правда? Может, у вас есть лекарства от неизлечимых в наших краях болезней?

— Боюсь, не могу сказать наверняка.

— Как бы мне хотелось узнать об этом побольше!

— К сожалению, у меня недостаточно квалификации. Мало чем могу помочь.

Май разочаровано вздохнул.

— Ты давно лекарь? — решила перевести тему я. — Ты выглядишь таким молодым.

Он ухмыльнулся:

— Может, это всё — действие трав, а на деле мне лет девяносто?

Я рассмеялась.

— Так сколько же тебе?

Новый знакомый пожал плечами:

— Не знаю. Чуть больше двадцати, я думаю. Год туда — год сюда. Не так важно. Самостоятельно лечу уже лет десять.

Про себя я удивилась его молодости. Но раз он с детства готовился к этой профессии, то нет ничего удивительного в его способностях. Надеюсь, правда, на себе мне их не придётся испытать.

— Ещё я рисую, — продолжала повествование я. — Рисуешь? Насколько знаю, во всём королевстве рисует только один человек — королева Женестьева. Мне удалось одним глазком взглянуть на её картины и, хочу сказать, это невероятно! Я бы тоже хотел научиться так запечатлевать реальность. Потому что, посмотри вокруг, — Май провёл рукой перед собой, — мир так прекрасен и разнообразен! Но Женестьева рисует больше несуществующее. Такие у неё интересные сюжетные картины.

— Несуществующее? — Ну как сказать? Я не силен в искусстве. Просто знаю, что там нет того, что происходило или происходит в реальности. Ну там скелеты сидят за столом с живыми людьми, например. Ты же такое не встретишь, верно?

Как интересно! Я бы с радостью посмотрела на картины, о которых так отзываются. Должно быть, они действительно прекрасны. К тому же, раз это сон, картины принадлежать могут исключительно мне. Это может быть отличным источником идей.

— И всё же, — не унимался Май, — как так вышло, что ты уснула в одном месте, а проснулась в другом? Ты, должно быть, забыла какую-то важную деталь.

Я отрицательно покачала головой:

— Исключено. Всё было так, как я говорю. Но так ли на самом деле?

Май недовольно нахмурился: никак не мог объяснить произошедшее с логической точки зрения.

Несмотря на странность и таинственность моего появления, молодой человек всё же вёл меня за собой, был так же, как и при знакомстве, приветлив и внимателен.

— Вон там, — загорелая рука Мая указала вправо, когда мы поднялись на пологий холм, — городские ворота. Если хорошо присмотришься, на самом горизонте увидишь дворец. Это королевский. Он вблизи громадный, внутри кажется так и вовсе бесконечным. Там столько комнат! Уму непостижимо!

— Ты там бывал?

Май гордо кивнул.

— Приходилось пару раз. Я консультировал принца по поводу растений. Он их жуткий любитель! Ну, и лечил прислугу, когда разыгралась эпидемия гриппа.

Я невольно задержала взгляд на еле виднеющихся за туманом башнях. Интересно, какой он?

— Я бы хотела его увидеть.

— Принца или дворец?

— Могу выбрать и то, и другое?

Май на секунду нахмурился, но затем спокойно произнёс:

— Принца увидеть не так просто. Но дворец... Мы можем сходить вечером или завтра. Мне как раз нужно заскочить на базар. А сейчас ко мне должна прийти пациентка. Ко мне в два часа дня каждую среду приходит старушка с окраины. Жалкое зрелище!

От такого вопиющего несоблюдения медицинской этики меня передёрнуло. Но это сон. Не спорить же я буду со своим ночным образом!

Вскоре мы добрались до уединённого уютного домика. Лайла, радостно гавкая, рванула в его сторону, начала крутиться тонкой фигурой вокруг калитки, посматривая в глаза Мая и непрерывно виляя хвостом, быстро-быстро. Молодой человек ответил тёплым взглядом.

— Здесь я живу, — сказал он, открывая калитку и пропуская вперёд сначала нетерпеливую Лайлу, затем меня.

Небольшой двор был покрыт ухоженным газоном. Дорожку до двери обнимали непослушные кусты дикой розы, по кирпичным стенам струился вьюнок. За углом виднелся огород, засаженный чем-то, чему я не могла дать названия. По правую руку стоял грубой работы стол с единственной неширокой скамьёй, по левую — находилась просторная собачья конура. Сам дом был одноэтажным и с первого взгляда содержался в неплохом состоянии. Окна снаружи чистые, дверь свежеевыкрашенная бледно-голубой краской. Меня постигла закономерная мысль: интересно, Май женат? Одному сохранять в таком отличном состоянии жилище довольно сложно.

— Ты живёшь один? — тихо спросила я, чтобы возможные обитатели дома не услышали.

— Мы живём вдвоём с Лайлой. Одни друг у друга остались, да, красавица? — Лайла, будто соглашаясь, ткнула узкой мордой в ладонь Мая.

«Одни друг у друга остались», — эхом отозвалось у меня в голове. И как это понимать? Оставим до лучших времён. Может, Май сам когда-нибудь расскажет.

— Впрочем, — Май задержался у входа. — Иногда здесь бываетлюдно. Если останешься, станешь свидетелем. Можешь даже при желании дать совет, как с этим нашествием справиться, — Май смущённо улыбнулся, приглашая войти в дом.

Должно быть, он говорил о своих пациентах. Хвастливый, однако! Дом Мая по площади был несколько крупнее нашей с Катей квартиры. Сразу за дверью находилась прячущаяся под свисающими с потолка связками засушенных трав столовая. Прямо, за низкой кирпичной перегородкой, находилась небольшая, залитая солнечным светом кухня. Слева и справа на меня смотрели закрытые двери.

Май прошёл вперёд, снял с себя сумку и, мягко опустив на стол, стал доставать из неё свою «добычу»: на столешницу друг за другом опустились пучок мяты, мешочек с выглядывающим из него куском древесной коры, горсть земляники.

Извлеки последнее, Май поднял на меня глаза:

— Хочешь? Угощайся!

Я действительно хотела есть.

Глава 3. Судьба.

С каждой минутой мне становилось всё комфортнее в обществе нового знакомого. Он был открытым, но в то же время ненавязчивым, внимательным и расположенным ко мне. В течение часа он рассказывал о целебной силе трав, которые смешивал в порошок и раскладывал по тканевым мешочкам. Я сидела напротив, прислонившись к висящему на стене тёплому ковру, пила чай и гладила Лайлу, удобно расположившую голову на моих коленях. Она, видимо, полюбила меня беспрекословно.

— И всё вместе это должно помочь от мигрени, — подытожил Май, завязывая последний мешочек.

Он отряхнул руки и принялся убирать нападавший на стол мусор, когда в дверь постучали. Лицо Мая тут же приняло страдальческое выражение:

— Но в этом случае бессильны все средства.

Дверь открылась без скрипа, и на пороге показалась сгорбленная женщина лет восьмидесяти на вид. Грустно улыбнулась хозяйину дома и прошаркала внутрь, осторожно опираясь на резную клюку. Я поздоровалась с ней и вышла, чтобы не нарушать таинство лечебного процесса.

На улице стоял зной. Птицы изредка перекрикивались сонными голосами, откуда-то слышалось кваканье лягушек. Крупные стрекозы кружили над нежно-розовыми бутонами, и я вспомнила, что в детстве любила их ловить. Стрекозы изящные, сказочные! Считаемые большинством моих знакомых уродливыми, они всегда привлекали моё внимание куда больше, чем бабочки, какой бы красоты ни были их разноцветные крылья.

Лайла вышла вслед за мной и сейчас настороженно рассматривала что-то на дорожке. Я присела рядом и обнаружила крохотного богомола, боязливо тянущего к морде собаки свои цепкие лапки. Я раньше считала их пугающими и до смерти боялась встретиться с богомолем в реальной жизни. Но теперь передо мной предстало трогательное создание, которое, медленно поворачивая миниатюрную голову, будто осознанно смотрело мне в глаза.

— Кажется, он хочет с тобой познакомиться, — сказала я Лайле. Та никак не отреагировала. Она продолжала сверлить насекомое взглядом.

«Будет жалко, если она его съест», — подумала я и осторожно подняла богомола. Лайла наградила меня разочарованным взглядом, подошла ближе и проскулила, что, наверное, означало: «Ну, покажи его мне! Я не насмотрелась!»

— Не забывайте использовать эту мазь каждое новолуние, как я вам говорил! Иначе никакого целебного эффекта не будет! — послышался голос Мая из открытого дверного проёма.

— Большое вам спасибо! — старушка поклонилась лекарю, кивком головы попрощалась со мной и поковыляла к калитке.

Май выглядел опечаленным. Должно быть, с женщиной действительно не всё так просто. Он перевёл взгляд на меня, постарался скрыть горечь, придав лицу воодушевления, и подошёл ближе.

— Что это у тебя? — Май заглянул мне в сведённые полусферой ладони. — А, богомол. Отдай Лайле, она любит их есть.

— Но... жалко.

Май посмотрел на меня как на дурочку:

— Это естественный ход вещей. В этом нет ничего страшного. Конечно, ты можешь его отпустить, и он проживёт долгую и счастливую жизнь... Но, вероятно, либо Лайла сама на него рано или поздно наткнётся, либо я его найду и скормлю ей, либо его склюёт воробей. Впрочем, сейчас его жизнь в твоих руках. Решай.

Я взглянула на жалостливые глаза Лайлы, которая смотрела на богомола, не отрываясь, и облизывалась. Посмотрела на богомола, который с любопытством исследовал мою ладонь, перебирая по ней лапками. Видимо, на лице моём отразилась тяжёлая работа мысли, потому что Май рассмеялся.

— Дай-ка, — сказал он и, осторожно взяв насекомое двумя пальцами, подошёл к простёршему над оградой свои ветви дереву. Привстав на носочки, он аккуратно посадил богомола на высокую ветку. — Пусть здесь посидит. А что будет дальше — не наша забота.

Май принялся заваривать чай и хлопотать на кухне, а я вновь протиснулась на скамью между столом и стеной. Скамья была высокой: вряд ли ноги Мая доставали на ней до пола. Усесться было тяжело. И, когда я всё же запрыгнула на неё, случайно задела носком что-то твёрдое. Оно с грохотом покатилося к стене.

— Что-то упало? — Май повернулся на звук.

— Нет, я задела что-то под столом.

Май нахмурился, припоминая, что за предмет мог наделать столько шума, но долго думать ему не пришлось: проворная Лайла уже устремилась лично проверить потревоженную вещь. Вскоре, с большими усилиями высвободив своё массивное тело с ношей из-под стола, она, радостно виляя хвостом, продемонстрировала длинную палку с металлическим набалдашником.

— Клюка! — воскликнули мы одновременно. Старушка забыла клюку!

Май стукнул себя по лбу:

— Как же я не уследил? Теперь нужно срочно её вернуть!

Я согласно кивнула.

— Бабушки могут быть рассеянными.

Май отрицательно покачал головой:

— Она вовсе не бабушка.

— А кто тогда? — удивилась я.

— Ей около четырнадцати. Она подросток.

Было видно, что Мая обсуждение болезни этой... девочки... давалось тяжело. Он вышел из-за перегородки и сел на неё ко мне лицом. Солнце уже освещало другую половину дома, поэтому свет отражался искрами в его больших глазах цвета плавленного золота. Он в задумчивости качнул ногой.

— Она транжира, — сказал он. — Тратила время попусту, вот и состарилась рано. По правде сказать, такого я ещё на своём опыте не встречал. Главная валюта — время, и в нашем государстве все бедны. Но я никогда не видел, чтобы люди старели в столь юном возрасте.

От слов Мая по спине пробежал холодок: я бы здесь состарилась в считанные секунды. Как много времени я потратила впустую! Сколько часов бессмысленного и безрезультатного существования накопилось за всю мою жизнь!

— Ты говоришь, ей никак нельзя помочь?

Май поджал губы и помотал головой:

— Вспять этот процесс не вернуть. Время неумолимо.

Когда закатное солнце нависло над крышами желтокаменных зданий, мы уже подходили к городским воротам. Лайла, увязавшись с нами, маячила впереди белым пятном, а Май, доверяя ей, даже не подумал надеть поводок. Меня тревожило это отсутствие контроля, но я молчала, не делая замечаний: хоть это и мой сон, всё же мир, в котором я оказалась, принимал меня в качестве гостыи, а идти в чужой монастырь со своим укладом — идея не лучшая.

Массивные стражники с грозным видом стояли у открытых створок в полных боевых облачениях. Когда мы проходили мимо, Май приветливо поздоровался с ними, как со старыми

приятелями, и показал серебристый жетон, который, видимо, служил пропуском. Но и без него Мая были готовы пропустить: как только стражники смогли различить издалека его лицо, тут же расслабились.

— А девушка? — раздался голос гвардейца, который смотрел на меня с нескрываемым подозрением.

— Она со мной. Моя сестра.

— Проходите, в таком случае, — похоже, сомнения по поводу меня у стражника не рассеялись, но, тем не менее, тон его смягчился.

Когда по крутому каменистому спуску мы отошли на достаточное расстояние, я решила уточнить:

— Это твои знакомые?

Май округлил глаза:

— Стража что ли? Нет, конечно! С чего ты взяла?

— Они были с тобой любезны... Мне показалось, даже были готовы пустить так, без этого жетона.

— Да? — он хмыкнул. Ничего не ответил.

Вскоре, минуя ряд однотипных невысоких построек, мы остановились у покосившегося домика. Калитка оказалась незапертой, по той простой причине, что замок был сломан, и мы без препятствий шагнули во двор. Внутри царило запустенье: грядки поросли сорняками, трава доходила нам до пояса, и Лайла терялась в ней целиком. Смотрящие на двор окна затянула паутина, на которую налип тополиный пух. Изнутри они казались закопчёнными, совсем неухоженными. Нижняя ступенька порога скособочилась, прогнулась, и наступать на неё было боязно. Как же ста... девочка ходила по такой лестнице? Май, легко перепрыгнув через сломанную ступеньку, постучал в старую дверь. Из дома с небольшим запозданием послышались шаркающие шаги и скрипучий, но доброжелательный голос:

— Погодите! Сейчас открою.

Спустя какое-то время звякнули замки и цепи — дверь со скрипом отворилась. В черноте дверного проёма показалась уже виденная мной состарившаяся девочка, в которой только сейчас я смогла угадать отличительную черту свежей крови — ясные глаза. Она совсем не походила на всех стариков, что я знала ранее, словно за искусным гримом скрывалась молодая актриса.

— Моя палочка! — она раскрыла рот в беззубой улыбке. — Как я вам благодарна! Я уж подумала, что оставила её где-то в лесу.

Май удивился:

— Вы сегодня были в лесу?

Девочка смущённо кивнула:

— Я собирала ягоды. Зубы... не позволяют есть твёрдую пищу. Руки не позволяют измельчать твёрдые овощи и фрукты.

Май нахмурился:

— И что же? Вам никто не помогает?

Лицо девочки выразило такое отчаяние, что сердце моё сжалось. Брови её встретились у переносицы, собравшись в складки, глаза наполнились слезами.

— Мама, — при этом слёзы покатались из её глаз. — Она не выдержала всего этого.

Май засуетился, видимо осознав свою ошибку. Он шумно вздохнул, ладони его резким движением прошли по щекам вверх-вниз. Он кашлянул и сердечно произнёс:

— Прошу, простите, я не знал!

Девочка отмахнулась, лишь крепче вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в клюку.

Быстро бросив на меня растерянный взгляд, Май тихо предложил:

— Разрешите помогать вам хоть изредка. Мне будет не в тягость.

Руки её задрожали, она страдальческим взглядом окинула дворик и замялась. Было видно, что предложение кажется ей заманчивым, но принять его девочка стеснялась.

— Не переживайте, — заверил Май, — у меня есть люди, которые получают от этого только удовольствие, — он говорил тепло и искренне, так, что я на месте девочки не усомнилась бы в его словах.

Выйдя за ограду, я посмотрела на Мая и заметила на его лице крайнюю степень озабоченности. Он заметно погрузнел и полностью погрузился в раздумья. Полпути он не проронил ни слова, а я не мешала ходу его мысли расспросами. Самой после встречи с пациенткой, страдающей загадочным недугом, было нелегко: тягостный осадок мучил меня всю дорогу.

Вероятно, был некий поворотный момент, когда она не смогла остановиться. Одна лишняя секунда времени, потраченная зря, — и всё, и дальше согласно эффекту бабочки: полное старение, немощность, отчаяние матери. Секунда — и девочка лишилась всей жизни.

Как много зависит от времени: оно — главная валюта. Но, как полагаю, ни у одного человека даже в этом государстве его отнюдь не становится больше. Баланс на карте, который никогда нельзя пополнить. Каждая копейка должна нести пользу. Но с другой стороны: как понять, где действительно она кроется? Полезное для одного человека кажется ненужным другому и наоборот. Вполне счастливым можно прожить без учёбы в университете, вполне счастливым можно прожить, работая на низкооплачиваемой работе, вполне счастливым можно прожить без семьи. Пожертвовав одним аспектом жизни, не затрачивая на него времени и сил, люди преуспевают в другом: например, не получившая высшего образования девушка, спустя годы голодного существования стала известнейшим художником. Ты не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Но ошибиться и упустить лучшие годы жизни — поистине страшно.

Дома Май заботливо раскладывал высушенные травы по кучкам на столе. Их было так много, что я подняла чашку с ещё горячим чаем, дабы не занимать место, и пересела к окну. Май наградил меня удивлённым взглядом:

— Что такое?

Я виновато улыбнулась:

— Мне кажется, я тебе мешаю. В корзинке ещё столько трав, а места на столе уже почти не осталось.

Май рассмеялся.

— Прости, ради бога! Я так привык жить один, что не обращаю внимания на личное пространство гостей. Прошу, чувствуй себя как дома и говори открыто, если я тебя стесняю. Всё в порядке.

Я поблагодарила его, но всё же осталась сидеть у окна, за которым уже вовсю разыгралась ночь. Свет от керосиновой лампы отражался на неровном стекле одинокой точкой, но, тем не менее, на этот скромный маяк слетались крохотные уличные гости и стучались к нам, просясь переночевать.

Май молчал, погружённый в работу. Он уже не выглядел столь опечаленным, как несколько часов назад. После скромного ужина, состоящего из наваристой гречневой каши и хлеба с маслом, во время которого он всё так же не говорил ни слова, Май заметно расслабился. Я его состояние понимала. Мне также было тяжело: голова разболелась от перенасыщения информацией, всё тело пробивала дрожь.

Руки Мая работали быстро, сухие травинки и стебельки шуршали друг о друга, потрескивали, по-своему о чём-то переговариваясь перед погружением в вечный сон. Но все эти звуки не действовали на меня успокоительно, в груди всё ещё сидели тревога и тоска. Мне невыносимо хотелось вернуться домой, поскорее проснуться, позвонить маме и поинтересоваться, как у неё дела. Я так долго сплю, что, кажется, после того, как я опустила голову на подушку,

заново родилась в ином мире, а та моя жизнь закончилась. Руки, а вслед за ними и терпкий чай в глиняной кружке, подрагивали от разыгравшихся нервов.

Неожиданно резкий глубокий звук наполнил пространство, взвыл, опустился и будто заплакал. Горько, надрывно. Пронзительная, печальная мелодия, сотканная из невыразимой боли, окутала всё вокруг. Каждая нота отзывалась в моём сердце, звучала в унисон со мной: с моей болью, с моей тоской. Каждый звук вытягивал из меня негативные эмоции, давая им волю, очищая. Тональность стала ниже, звук — полнее, а потом свист — и всё. И это напряжение перешло в разрядку в виде моих слёз, которые тёплыми ручьями покатились по щекам.

Май, видимо, услышав мои всхлипы, обеспокоенным тоном обратился ко мне:

— Что случилось?

В ответ я лишь сильнее зарыдала, пряча лицо в ладонях. Май проворно подошёл ко мне и обнял за плечи, поглаживая:

— Поплачь, ничего страшного. Ты, должно быть, очень устала. Столько всего навалилось на тебя за это время! Ты так долго держала эмоции в себе! Ты очень сильная, Майя, но быть сильной всегда очень вредно для организма.

Май прижал меня к груди и стал убаюкивать, как ребёнка. Постепенно слёзы иссякли, и какое-то время я просто сидела, прислонившись к нему и слушая его сердцебиение. Сильное, ритмичное. От него пахло горькими травами, чей запах тоже, вероятно, сказывался на мне благотворно. Я впервые почувствовала бесконечное спокойствие и накотившую усталость. В этот момент мне показалось, что всё мне под силу. Но только завтра. Сейчас мне нужно поспать.

Глава 4. Необходимость.

Открыв глаза, я не сразу сориентировалась в пространстве: ожидала увидеть свисающие с потолка гроздья сушёных трав. Сон был настолько реалистичным, что я под конец уже не сомневалась в его правдивости. Но я обнаружила себя дома, в нашей с Катей кровати.

Её рядом не оказалось. На часах было девять. Она ушла на первую пару, а до звонка моего будильника оставался ещё целый час. Я разочарованно вздохнула: если бы я навечно осталась в сегодняшнем сне, была бы только рада. Но спать совершенно не хотелось. Более того — я к удивлению поняла, что проснулась со свежей головой. Не было привычной тревоги и хоровода негативных мыслей. Не было ничего, кроме образа поляны — первой представшей передо мной ночной локацией. Даже призрак состарившейся девочки не трогал меня. Я пыталась его возродить в памяти, но он ускользал, размывался.

А ещё был Май и его тёплая улыбка, при мысли о которой уголки моих губ невольно поднялись. Он оставил, пожалуй, самые приятные воспоминания. С таким участием, с такой заботой он относился к своей пациентке! С такой любовью смотрел на Лайлу! Хотелось бы увидеть Мая вновь. Таких людей нечасто встретишь. К сожалению, даже во снах.

Бывает так, что после хорошего сна, наполненного яркими эмоциями, весь день находишься под их остаточным влиянием. Подобное случилось и сегодня.

Спрятав за тяжёлым коричневым покрывалом серые простыни в мелкую неопознанного цвета крапинку, немного размяв мышцы, потянувшись в разные стороны, я направилась на кухню.

Древние половицы пожелали мне доброго утра, а дверной косяк — нет. Он меня встретил больным ударом о мизинец. Тесно. Очень тесно.

Каждое новое утро ничем не отличается от предыдущего. Изредка только — временем подъёма и начинкой бутерброда на завтрак. В остальном же мои утра похожи друг на друга, как братья-близнецы. И дни. И вечера. И ночи... до недавнего времени. Учащённое сердцебиение от внезапного звонка будильника. Откладываю на 10 минут. Учащённое сердцебиение от второго внезапного звонка будильника. Откладываю на 10 минут. Пытаюсь заснуть, но в течение следующих 10 минут сердце не прекращает колотиться, поэтому, с отвращением выключая так и не прозвеневший третий будильник, плетусь на кухню, где в полудрёме пытаюсь сообразить завтрак. Иногда, конечно, меня будит Катя. Реже — я её. Она жаворонок. Встаёт рано и обычно уже в пять утра делает третий круг в парке — поддерживает форму. Не устаю поражаться её энергии и силе воли. Не устаю поражаться и тому факту, что мы, такие разные по темпераменту, с ней сошлись.

Мы с Катей учились в параллели. После девятого класса, когда приличная часть учеников ушла в колледжи, наши классы объединили. До этого никто из нас не проявлял желания общаться. Изредка, встречаясь на переменах или в столовой, мы здоровались и расходились. Не знали друг о друге ничего и не стремились к этому. Но в десятом классе, когда перед нами поставили задачу придумать оригинальную сценку, нас с Катей назначили сценаристками, так как мы обе имеем некоторые представления о художественной речи и построении сюжета. Так-то мы и сблизились. Засиживались до позднего вечера в актовом зале, оглушая полупустые стены школы громким смехом, а после, забывая о домашке, до полуночи продолжали работу над сценарием уже дома.

Катя хорошо писала, и ей это нравилось. Определённо нравилось. Но за полтора года сожителства я ни разу не увидела её за творчеством.

Из раздумий меня вывел телефонный звонок: по обыкновению почти сразу после будильника со мной разговаривала мама. Обычно это были односложные разговоры: «Доброе утро!

Как спалось?» — «Доброе! Хорошо, а тебе?» или «Сколько сегодня занятий? Готова к ним?» — «Три пары. Вполне». За последний год каждый разговор с мамой стал приобретать печальные тональности. Каждый звонок я встречала с замиранием сердца: боялась услышать подавленный или сиплый от слёз голос.

— Привет! — сказала я достаточно бодро.

— Привет, — голос мамы в этот раз был печальным, и настроение невольно передалось и мне.

— Как ты спала?

— Хорошо, — прежде чем ответить на этот вопрос, мама сделала паузу, и у меня закралась мысль, что говорит она неправду.

— Точно?

— Точно, — она даже рассмеялась. Может и не всё так плохо? Может, мне только кажется? — Ты думаешь приезжать на выходных? У бабушки день рождения.

— Да, надеюсь, всё получится и под конец недели нас не завалят заданиями.

Мама через силу выдавила:

— Ты не говорила с отцом?

По своей инициативе я никогда с ним не общалась. Мне было ужасно тяжело это делать. Человек, которого я знала с детства, который давал мне защиту, вдруг наоборот проделал брешь в моей броне. А я не успела ещё её зарастить, чтобы вновь подпускать его близко. Сам же отец, видимо, стыдясь (по крайней мере, я на это надеюсь), избегал лишнего повода созвониться со мной и диалоги наши совершались исключительно в праздники. Так что я ответила отрицательно.

— А ты? — осторожно спросила я.

— О чём нам с ним говорить? — горько усмехнулась мама.

Вероятно, она хотела узнать, будет он или нет на дне рождения. Очевидно, да, — именинницей была его мать. Станным могло показаться наше с мамой присутствие. Но, к сожалению или к счастью, с бабушкой нас связывали достаточно тёплые отношения. И даже в сложившейся ситуации она приняла сторону мамы, надолго объявив отца в своём доме персоной нон грата. Со временем материнские чувства в ней возобладали над голосом справедливости: от ребёнка отречься она не могла, поэтому во многом смягчилась к сыну.

За долгое время, не считая бракоразводного процесса, это должна быть первая неформальная встреча родителей после разрыва. И мысли о предстоящем празднике не давали ни мне, ни маме покоя.

В университет я шла по привычному пути. Корпус, в котором сегодня были занятия, располагался недалеко от моего дома, поэтому добиралась я пешком, и маршрут мой лежал мимо музыкальной школы. Здание стояло вдоль проезжей части и неприветливо смотрело на прохожих серыми стенами. Это было скучное архитектурное сооружение, выполненное в худших традициях конструктивизма. Ничего любопытного, ничего примечательного — просто невообразимое количество углов.

Окна музыкальной школы даже в холодное время года были открыты, и звуки, доносящиеся из классов, по утрам были созвучны облику здания: резкие, прерывистые, совсем не мелодичные. Ближе к обеду, когда то ли дело доходило до более опытных учеников, то ли утренние музыканты просыпались, отдельные ноты уже складывались в плавные стройные мелодии и ласкали слух. Я была неискушённым слушателем. Мне любой доносящийся из этого здания звук ложился на душу.

Неожиданно слуха коснулся голос духового инструмента, который возродил в памяти недавние переживания: во сне в тех же тональностях кто-то играл печальную мелодию, судя по всему, на том же инструменте. Любопытно: не помню, чтобы раньше я её где-то слышала,

поэтому не могу сказать, родилась ли она в моём сознании сама; не могу и сказать наверняка, включал ли кто-то из соседей незадолго до моего пробуждения музыку. Поэтому факт её звучания во сне представлялся в некоторой степени загадочным.

Если бы я владела нотной грамотой и умела подбирать мелодию на слух, то воспроизвела бы её в точности: настолько хорошо она запомнилась. Вероятно, потому что вызвала сильные эмоции. Я желала услышать её вновь, чтобы опять пережить всю гамму чувств. Она сработала как очень хорошее успокоительное, которого мне в последнее время так не хватало.

В университете я с порога попала под прицел наполненной энтузиазмом пары глаз, которая так и выжидала меня у входа. Передо мной стояла сияющая улыбкой девушка с длинными чёрными волосами, неизменно заплетёнными в косу. Света, староста по художественной деятельности.

— Майя! Привет! — воскликнула она воодушевлённо.

— Привет, — ответила я, располагая сумку напротив зеркала. Света встала рядом и продолжила разговор со мной через отражение.

— Я тебя ждала, — сказала она. — Ты в сеть не выходишь, а времени мало, посвящение уже на днях, поэтому я решила, что лучше подкараулить тебя и предупредить заранее, чтобы ты всё успела.

— Что именно? — вопрос прозвучал безучастно и несколько высокомерно, что мне не понравилось: как бы я ни относилась к ситуации, такого в интонациях допускать нельзя. Но это «чтобы ты всё успела» завело с первого оборота.

— К посвящению в первокурсники каждый факультет должен представить по три творческих номера, — продолжала она. — Я подумала и решила, что можно организовать выставку картин! Нужны на тему нашей специальности. Ну там врачи, медицина.

Света... Света — наш главный бескомпромиссный активист на факультете. Я один из представителей творческих людей, не желающих лишний раз светиться. Мы с этой девушкой были созданы друг для друга, не иначе.

— Кхм, что там по срокам, говоришь? — я решила начать издалека, чтобы не рубить с плеча сразу жёстким отказом.

— Три дня. Если что, можем продлить ещё дня на два, я думаю. Но не больше. Так ты успеешь? Было бы очень круто увидеть твои работы на этом мероприятии.

Вернее, было бы круто, чтобы хоть кто-то согласился представить наш факультет. Я извинилась и попрощалась со Светой, предложив обратиться к парочке других художников на курсе. Она разочарованно вздохнула, но вскоре улыбка вновь осветила её лицо, и Света, наполненная жизненной энергией, быстрым шагом направилась к своей группе.

Я так и застыла перед зеркалом, глядя в напряжённые глаза с полопавшимися сосудами. Шарф, который я начала было снимать, неровно повис на шее. Этот разговор разворошил утихшую ненадолго боль. Ту, с которой я не смогу справиться, наверное, никогда. Только свыкнуться. Боль от осознания беспомощности в построении своей же судьбы. Рисование и живопись — это я сама, ни больше, ни меньше. Я, голос которой затыкают необходимостью обрести «настоящую» профессию, способную принести прибыль и обеспечить устойчивым положением в обществе. Я, способностями которой постоянно хотят воспользоваться в каких-то чисто технических моментах, где нет места искусству и раскрытию души. Мне нет места для себя самой, о каких картинах на заказ может идти речь?

Катя уходила на учёбу раньше, а возвращалась обычно позже меня. После занятий, дополнительных кружков и курсов английского, она по пути заходила в продуктовый. Щёлкал замок, и на пороге появлялась Катя без заметных признаков усталости, в то время как я, проучившись четыре пары, остывающим телом лежала на кровати. Должно быть, дело в специ-

фике наших профилей. А может быть, как я уже говорила, причина кроется в отличиях наших темпераментов.

Сегодня Катя бодро вошла в квартиру с двумя пакетами в руках. Подтянув за собой дверь ногой и убедившись, что она захлопнулась, Катя прошла на кухню и зашуршала пластиком. Я наблюдала за всем из спальни, лёжа под тёплым одеялом и даже не думая покидать своё убежище.

Спустя пару минут мой тёмный мирок озарил яркий свет: Катя включила лампу. Я проворчала что-то недовольное и глубже зарылась в мягкую берлогу. Катя в ответ хихикнула.

— Опять дрыхнешь днём? — матрас в районе ног прогнулся под тяжестью ещё одного тела. Прошуршали снятые джинсы.

— Вечером, — поправила я.

— Один хрен, — матрас снова выпрямился, звякнула молния — Катя сменила уличные джинсы на домашние, которые отличались лишь тем, что имели потёртости с внутренней стороны бёдер и грозись вот-вот порваться. — Ты выучила анатомию?

Я вновь недовольно пробурчала. Катя прицокнула языком и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова.

Остаток дня я провела в кровати за учебником, борясь со сном и возникающим желанием порвать книгу к чёртовой матери. Информация запоминалась с трудом, но всё же основные моменты я повторить самостоятельно могла. Катя, несколько раз заглядывала в спальню, чтобы проверить, не уснула ли я часом. В очередной раз материализовавшись в дверном проёме, она, облокотившись о косяк, застыла. Я невольно подняла на Катю глаза. Её лицо с чёткими крупными чертами, выражающими волевой характер, отразило нерешительность.

— Думаю, — пояснила она, — может, здесь поужинать?

Такое внезапное решение удивило меня: раньше мы неизменно ели на кухне.

— Угу, — кивнула она самой себе, не дожидаясь моего ответа, и ушла.

Вскоре мы уже ужинали макаронами по-флотски — блюдом, которое Кате давалось неизменно хорошо. Сидели друг напротив друга, прислонившись к спинкам кровати, радовались неожиданно пришедшей Кате идее.

— Хорошо придумано, — похвалила я, накручивая на вилку макаронину. Порцию подруга мне положила солидную. Больше половины придётся оставить: не полезет.

— Согласна! Такая атмосфера здесь особая. Сколько живём вместе, а на кровати, кроме как сном, ничем не занимаемся.

— У-ля-ля, — протянула я, играя бровями. Катя так засмеялась, что чуть не подавилась.

— Фу! Ну ты и пошлячка! — сказала она, откашливаясь.

— На самом деле, я согласна. Представь, как можно было бы играть здесь в настолки, например.

— Да!

— Только меня отчего-то напрягает дверь в тёмный коридор за твоей спиной.

— М? — Катя удивлённо оглянулась. — А что не так?

У меня вдоль позвоночника пробежали мурашки:

— Давай закроем, а? Кажется, что оттуда сейчас кто-то выскочит.

Катя закатила глаза, но послушно встала и закрыла дверь.

— Так лучше?

Я кивнула, хотя невнятная необоснованная тревога никуда не делась.

Катя, усаживаясь, указала вилкой на стоящий у стены завешанный плотной тканью мольберт с начатым полгода назад портретом, который я никак не могу закончить:

— Как успехи?

— Так же. Как видишь, краски по-прежнему пылятся под прошлогодними конспектами.

Решившись убедиться, Катя перевела взгляд на стол, где действительно под аккуратной стопкой тетрадей лежала деревянная коробка с масляными красками.

— Да, давно я тебя за делом не видела.

Я с горечью вздохнула.

— Я тебя, кстати, тоже.

Брови Кати взметнулись вверх.

— Давно не пишешь, — пояснила я.

Подруга пожала плечами:

— Оставила в прошлом. Хочется в жизни состояться, а быть писателем... Я тебе Ван Гог что ли? Я не из тех людей, которые могут отказаться от материальных благ и посвятить себя творчеству.

— Я думала, писательство — это настоящая ты.

Катя нахмурилась:

— Не понимаю.

— Я думала, это то, что тебе по-настоящему нравится. Область, в которой ты как рыба в воде.

Катя не спешила отвечать. Какое-то время она молча перекачивала фарш от одного бортика тарелки к другому. Затем, отставив её на кровать, тихо произнесла:

— Рыба рыбой, но мясо-то есть хочется...

Когда свет погас, и мы пожелали друг другу приятных снов, я ощутила, как в опустившемся мраке во мне просыпается паника. Хотелось спрятаться, забиться в угол. Тьма давила. Луна, пробирающаяся сквозь плотно стоящие деревья, назойливо вторгалась в моё личное пространство, мучила, душила блёклым светом. Всё тело объяла дрожь до стука зубов. Я вжалась в подушку, напрягла мышцы, но от этого было только хуже: страх нарастал, ноги холодели, и по ним то и дело будто пробегал разряд тока. Катя, слава богу, этого не чувствовала и стука зубов не слышала, поэтому успела погрузиться в сон, когда я встала за успокоительным.

В голове странным видеорядом сменяли друг друга никак не связанные между собой мысли, которые, как бесцеремонные голоса, проникали в мой мир и не давали сосредоточиться. Я пыталась выровнять дыхание. Четыре секунды вдыхаю. Семь не дышу. Восемь выдыхаю. По новой. Надела носки, в которых при обычных условиях спать невозможно, которые ощущаются как нечто инородное и не дают погрузиться в сон, отвлекая на себя внимание.

Случайно услышанные реплики.

Nervus vagus.

«Рыба рыбой»

Nucleus motorius nervi trigemini.

Что-то бессвязное, сказанное голосом Светы.

Приступ закончился около трёх ночи. Ноги потеплели, мышцы налились тяжестью. Я погрузилась в сон.

Глава 5. Культ добродетели.

Проснувшись, я какое-то время лежала, привыкая к резко сменившейся локации. Чёрные доски потолка, старенькие, пожелтевшие обои в мелкий цветочек, ажурный тюль ручной работы. Я лежала у стены в чужой комнате, которую, могу поклясться, никогда в жизни не видела. Но что-то мне смутно подсказывало, что дом этот я посещала.

Послышался скрежет: кто-то царапался в дверь и поскуливал. Снова собака? Как же часто мне снятся собаки!

Проворные шаги и рассерженный шёпот:

— Лайла! Где твои манеры?!

Лайла? Неужели я снова оказалась у Мая?

Я села и обнаружила, что мой наряд со вчерашнего сна ничуть не изменился, только помялся немного от долгого лежания. Если искать во всём этом закономерный сюжет, то, наверное, вчера после того, как наплакалась, я тут же уснула.

Комнатка была небольшой, со скромной обстановкой: односпальная кровать у самого окна, письменный стол у стены под потрёпанной картой, стул с накинутой на спинку белой полотняной рубашкой и лакированный шкаф, в чьей гладкой поверхности отражалась зелень деревьев за ещё одним окном. Форточка была приоткрыта, и со двора доносилось чириканье.

Должно быть, это действительно волшебное место: время летнее, а комары до меня ещё не добрались.

Пол был шероховатым, непокрытым, что хорошо чувствовалось босыми ногами. Кроссовки, в которых я была всё это время, были прислонены к ножке кровати, в каждом из них ютился аккуратно свёрнутый носок. Это сделал Май? В любом случае, мне такое отношение к вещам не свойственно: с Катей у нас частенько вспыхивают конфликты на почве моей неряшливости.

Зеркала в спальне не оказалось, поэтому я наугад собрала хвост и направилась на выход.

Мая я застала за работой. Он, должно быть, уже несколько часов сидел на кухне, перемалывая корни и растирая их с душистыми ягодами. Их аромат в сочетании с запахом свежеспечённого хлеба был чудесным, и моё настроение несколько поднялось.

Он стоял ко мне спиной, и взору моему открывались только позолоченные утренним солнцем собранные наспех волосы и энергично двигающиеся мышцы плечевого пояса.

Май, заслышав шаги, посмотрел на меня и улыбнулся:

— Доброе утро! Как тебе спалось?

— Доброе. Хорошо, я как будто проспала вечность и почти полностью восстановилась.

— Это хорошо! — совершенно искренне воскликнул Май. — Ты извини, я несколько раз проводывал тебя, чтобы убедиться, что твой сон крепкий и спокойный. Иначе я бы раскурил полынь или разложил лаванду у изголовья кровати. В наших краях ещё растёт мак, но это длинная история... Его тебе никто не даст, тем более в такие времена.

Проводывал, пока я спала? Вообще, это вполне естественно: каким ещё образом я могла очутиться в комнате Мая, как не с его же помощью? Наверняка, я могла заставить его волноваться, и то, что он проверял меня ночью, — вполне естественно и даже приятно. Такого рода объяснениями я пыталась унять зародившуюся тревогу от осознания того, что я заснула в доме малоизвестного мужчины и каким-то чудесным образом оказалась у него в кровати... Дурында.

— В такие времена? — переспросила я, стараясь придать голосу уверенности. Май не заметил, что что-то не так.

— Не бери в голову. Просто мак нынче в дефиците, маковые поля, которыми мы раньше славились, сейчас по непонятной причине медленно увядают. Это очень печально, но тебе об этом нечего заботиться.

Его спокойствие, невовлечённость в обсуждение прошлого вечера немного уменьшили моё волнение. Я не знала и не могла представить, что значат для этих мест маковые поля, поэтому промолчала на сей счёт, не высказывая ни беспокойства, ни сожаления.

Подойдя к перегородке, отделяющей кухню от комнаты, служащей и прихожей, и залом, и столовой, я облокотилась на неё и невольно обратила внимание на записную книжку, на ней лежащую. Крупным, размашистым почерком на верхнем листке были выведены неразборчивые слова. Только первое читалось чётко: «Принц». Но я посчитала, что читать чужие записки неприлично, поэтому полностью переключила внимание на Мая, который тем временем достал из голубого посудного ящика над раковиной большую глиняную кружку. Пара выверенных движений — и передо мной дымился свежесваренный чай.

— Вот, попей. Завтрак скоро будет готов.

— Спасибо, — я приняла ароматный напиток и села за стол, чтобы не стоять у Мая над душой. — Май, я хотела у тебя спросить...

— Спрашивай.

— Вчера... вчера я слышала мелодию. Такую трагическую, глубокую. Что это было?

Май затих, движения его остановились: видимо, он обдумывал ответ. Спустя короткий промежуток времени вышел нахмуренный, протянул мне два бутерброда с маслом и вареньем и сел напротив.

— Всё же тебе придётся рассказать чуть подробнее о маковых полях, — он потёр затылок. — Мак, как я уже сказал, — это наша визитная карточка. Какие чудесные поля окружали наши земли! Ты бы видела! Я бы обязательно сводил тебя туда, потому что это красное море нужно видеть, слова — словами... — было видно, как воодушевлён Май рассказом о цветах, и я не хотела прерывать его, прося конкретики. Наверное, ему редко выдаётся возможность поделиться чувствами, которые его переполняют. Я не хотела ему в этом препятствовать, потому что видела, насколько для него это ценная информация. Так же, как к ценности, я старалась отнестись к ней сама. — В общем, не так давно маки чем-то заболели. Какой-то жуткой болезнью, с которой ничто и никто не может справиться. У нас правит король Феликс, сам ещё достаточно молодой, лет тридцати, не более. А у него есть младший брат Флоренс, может, мой ровесник или чуть старше, человек, я бы сказал, таинственный. Вообще не ясно, что у него на уме и что — на сердце. На публике он не показывается, в правлении страной не участвует. Думали, он слабоумный, но подтверждений тому не было, лишь догадки. Да и я с ним знаком и ничего такого не замечал. Единственно, что известно: его истинная страсть — цветы. При дворе он самолично посадил целый сад, который уже много лет славится своей красотой. Мне удалось там побывать, и, хочу сказать: он великолепен! Вдаваться в подробности не буду, но просто знай: это живое произведение искусства. Флоренс всерьёз заинтересовался судьбой маковых полей и взял их под своё шефство, если можно так выразиться. Он долго искал лекарство от этого цветочного недуга и ему это почти удалось. Он написал мелодию для флейты, которая оживляет погибшие цветки и даёт им ещё немного пожить. Это, конечно, не лекарство, но уже хоть что-то! Так вот именно эту мелодию ты вчера слышала. Он играет каждую ночь на флейте, делая обходы своих так называемых владений.

— Выходит, он настоящий гений, раз его музыка воздействует не только на цветы, но и на людей. Я чувствую себя исцелённой.

Май взглядом предложил мне ещё чаю. Этот был уже из другого травяного сбора, он бодрил, наделял энергией. На вкус же был сладковатым, с земляничными нотками. Я с удовольствием приняла очередную кружку и поблагодарила Мая.

— Как долго ты этим занимаешься? — спросила я, помешивая бурого цвета жидкость.

Май пожал плечами.

— Всю жизнь. На самом деле, я точно не могу сказать, так как учился этому с самого детства: моя бабушка хорошо разбиралась в травах, была известным в округе лекарем. После

её смерти я унаследовал это ремесло, теперь я собираю целебные травы, изготавливаю сиропы и настойки, засушиваю травы и иногда делаю саше (но это в праздничные дни, не всегда). Сегодня у меня выходной, а завтра я с десяти утра и до шести вечера принимаю людей. Кстати! — он так громко воскликнул, что я вздрогнула. — Флоренс завтра пригласил меня к себе на аудиенцию. Он написал мне письмо, — с этими словами Май достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный лист кремового цвета и развернул его; я уловила изящно выведенные строки, разительно отличающиеся от почерка Мая, но разобрать содержание не смогла. — Флоренс получил из-за границы книги по музыкальной медицине и травологии. Их настолько много, что он физически не успевает изучить их, поэтому хочет поделиться со мной несколькими экземплярами. Он пишет, что мне единственному может доверить такое дело, цитирую: «Вы можете понять растения так же хорошо, как и я. За все эти годы у меня сложилось впечатление, что только мы с вами способны найти выход из сложившейся ситуации».

Я видела, как Май гордился оказанной ему честью, он буквально светился изнутри, с придыханием произнося эти строки.

— Я планирую взять тебя с собой во дворец. Тебя нужно показать, по крайней мере, дворцовой охране: это мой гражданский долг. Если у тебя нет нехороших помыслов, тебе помогут вернуться отсюда домой. Ну а если они есть...

Меня охватила паника: во дворец! Как я, простая и не умеющая вести себя с высокопоставленными людьми, смогу правильно держаться? Но можно ли было действовать иначе? Если я откажусь, Май меня заподозрит в коварных планах.

— Ты как? Испугалась что ли? — Май заглянул мне в глаза.

Я выдержала паузу, обдумывая слова.

— Понимаешь, я ведь в ваших краях совершенно чужая. Не могу и представить, что обо мне подумают, как меня примут. Да и с властью никогда в своей жизни не общалась. Я не могу не переживать.

Май понимающе кивнул, но поспешил меня успокоить:

— Не переживай, это всего лишь охрана. Она ничем не отличается от нас с тобой. Перед встречей с Феликсом я бы тоже занервничал, конечно, но если и такой сценарий возможен, то уверен на все сто, что ты при дворе всем понравишься. Ты скромная, вежливая, так что всё пройдёт, как по маслу. Стой. Ты почему не ешь?

И тут только я обратила внимание на стоящую передо мной тарелку с бутербродами.

— Какие у тебя планы на сего... — не успела я договорить, как во дворе послышался шум. По ощущениям несколько сотен человек собралось под окнами и закричало наперебой:

— Мудрейший! Мы пришли внимать твоим речам!

— Мудрейший! Я исполнил твои указания и совершил три добродетели! Какое задание дашь на этот раз?!

— Мудрейший! Освяти взором родниковую воду!

На лбу Мая выступила испарина. Он с тяжёлым вздохом закрыл глаза и проговорил:

— Сегодня четверг?

Я ответила положительно.

— Почему они так рано?

Я обратила на Мая непонимающий взор:

— Кто они?

Май не ответил, лишь жестом указал на окно, выходящее во двор, а сам, сняв с себя холщовый фартук и закинув его на перегородку, расправил плечи, принял непринуждённый вид и открыл входную дверь. Как только его фигура показалась во дворе, толпа загалдела с большим жаром:

— Мудрейший!

— Старейшина Май!

«И какой он старейшина в свои двадцать с небольшим?» — подумалось мне, но я с интересом продолжила наблюдение.

— Тихо! Всем тихо! — голос Мая, неожиданно обретший силу и глубину, прогремел над людьми. Все тут же замолчали. — Почему вы пришли так рано? Недели не прошло.

— Старейшина, — подал голос сгорбленный старик с жиденькой бородкой, — сегодня мы получили дурные вести: река за лесом обмелела. Скоро не будет воды!

После этих слов толпа за забором снова закипела от нетерпения. Она представляла собой разных людей: и молодых, и старых, и совсем ещё детей, которые с особым рвением пытались подойти к Маю ближе. Среди людей были как мужчины, так и женщины, как бедные, так и богато одетые. Мне показалось даже, что среди множества голов мелькнуло лицо стражника городских ворот. Вчера оно было хмурым, сегодня же исходило благоговением.

— Кто вам сказал, что не будет воды?

— Ну так реки не будет — и воды не будет! Где убывает, там больше не станет! Других источников у нас нет.

Май спокойно ответил:

— Успокойтесь! У нас есть и горная речка, и подземный источник. В них вода даже чище.

— Они тоже скоро иссякнут, — отозвался некто из народа. Как Май не терял самообладания?

— Послушайте! — громко воскликнул он. — Кто-то из вас уже испытал неудобства или лишения из-за нехватки воды?

Толпа неуверенно начала перешёптываться, но никто не ответил утвердительно. Май, выждав какое-то время, сказал:

— Не переживайте о возможном. Живите сегодняшним днём! Будьте экономны и помогайте тем, кто беднее и слабее вас. Большого от вас не требуется!

Толпа единой волной обрушилась на колени и отдала Маю земной поклон, отчего тот вздрогнул.

— Мудрейший, — обратился молодой парнишка, немногим младше Мая, — скажи, что мне делать? Наставь меня на путь истинный.

Май подошёл к нему чуть ближе, всё ещё сохраняя приличное расстояние, и глубоким, спокойным голосом праведника отвечал:

— Истинно то, к чему лежит твоя душа. Истинно то, что не сеет зла и не оскорбляет других людей. Истинно всё, что дарует благо тебе и ближним.

Глаза парнишки были на мокром месте. Он смотрел на Мая, словно на божество, будто не дышал, боясь того спугнуть, и внимал каждому слову. После того, как Май закончил, парнишка ударился лбом о землю и воскликнул:

— Благодарю! Благодарю!

— Мудрейший! Освяти воду из родника! — сказала полнолицая женщина, прижимающая к груди железный бидон.

Май тяжело вздохнул:

— Я не обладаю полномочиями освящать воду. Только твоя вера в её живительную силу может возыметь вес.

И в таком духе продолжалось ещё около двух часов. К Маю обращались с самыми разными просьбами: и о даровании здоровья, и о помощи в зачатии ребёнка и так далее, и тому подобное. Для каждого он находил индивидуальный подход, не только не делая то, что не в его силах, но и перекладывая ответственность на вопрошающего. И каждого он непременно просил совершать благие дела.

— На этом всё! — под конец выжатый, как лимон, сказал Май. — В субботу не ищите меня. Вы пришли раньше, поэтому придётся ждать дольше. До следующей недели!

Его провожали счастливые возгласы воодушевлённого народа.

Закрыв за собой дверь, Май обессилено сполз по стенке.

— Что это было? — не могла не спросить я.

Май поднял на меня полные отчаяния глаза:

— Помнишь, я говорил, что здесь бывает людно? Это... кажется, я случайно создал культ.

Глава 6. Праздник очищения души.

— Как можно случайно создать культ?

Май пожал плечами. В этот момент из приоткрытой двери в спальню показалась настороженная морда Лайлы.

— Девочка моя, испугалась? — участливо поинтересовался Май у собаки.

Она, заслышав тёплые нотки голоса хозяина, подошла к нему и улеглась рядом, положив при этом голову Маю на колени. Он настолько был вымотан, что не стал сопротивляться, так и остался сидеть у двери, поглаживая белоснежную шёрстку Лайлы.

Мне было неловко оставаться одной на ногах, поэтому я села рядом. Май встрепенулся:

— Майя! Ну-ка вставай! Пол холодный.

Пол не был холодным, на самом деле. Стояла жара, которая действовала и на доски в том числе.

— Мне не холодно.

Май какое-то время продолжал сверлить меня обеспокоенным взглядом, будто пытаюсь таким образом заставить подняться. Но я осталась на своём месте.

— Как так вышло, что ты организовал культ?

Май протяжно выдохнул.

— Сам не знаю. Я ничего такого не делал, работал, помогал людям. Потом ко мне начали приходить не только за снадобьями. Почему-то стали спрашивать советы, просить благословения. Ума не приложу, почему это произошло, и в чём моя ошибка.

— А во время лечения ты часто философствуешь и даёшь наставления?

— Не обращаю внимания. Всегда проходит по-разному, но каждый раз я поддерживаю разговор с пациентом. Во-первых, нужно успокоить человека и расположить к себе, чтобы он не боялся; во-вторых, все мои пациенты на удивление интересные люди. Все без исключения. Я получаю удовольствие от каждого диалога.

Язык мой — враг мой? Наговорил ты, Май, себе на голову.

— И давно это продолжается?

— Год? — он будто обратился к собаке с этим вопросом, она приоткрыла глаз, но ничего не ответила. — Да, как раз год. Первый раз ко мне пришёл ровно на праздник очищения души. Спрашивали о его истории и значении каждого ритуала.

— Сегодня какой-то праздник?

Май посмотрел на меня удивлённо:

— Как? Ты не знала о празднике очищения души? Это никуда не годится! — с этими словами он вскочил на ноги, немало испугав Лайлу — Он проходит каждый год в середине лета. Суть его в том, чтобы избавиться от груза грехов, обид и ошибок, накопленного с момента последнего празднества. В рощице неподалёку проходит ярмарка, на которую съезжается вся округа. Там столько всего! Торговцы диковинными вещами, актёры, циркачи! А в полночь разжигают огромный костёр, вокруг которого хороводом нужно обойти тридцать три круга, после чего каждый без исключения должен через костёр перепрыгнуть. Это финальный аккорд, так сказать. Сама суть праздника. Огонь как раз и является способом нашего очищения.

— И ты идёшь?

— Конечно! Все обязаны идти.

— И все прыгают?

Май кивнул.

— А если нет возможности у человека, например, если он немощен или слишком мал, вокруг него обходят с факелом тридцать три круга в одну сторону и тридцать три — в другую. — Любопытно. Я бы на это посмотрела.

— Не «бы»! Ты посмотришь. И даже примешь участие.

Май достал из сундука бабушки почти что новое льняное платье с длинными рукавами. Грудь его украшали вышитые листочки и объёмные рюши. Подол был простым, без изысков, но струился по ногам крупными волнами.

— Точно ничего, что я его надену? — в очередной раз спросила я. Сон это или нет — не важно, надевать платья чьих-то бабушек, несмотря на их изысканность, я считала недопустимым.

— Точно-точно! Ты должна соответствовать. Оно тебе, кстати, очень идёт.

В облике Мая изменилась лишь рубаша. В этот раз он надел расшитую крупными цветами, кажущимися живыми. Они удивительным образом оттеняли его золотистую кожу, отчего Май представлял настолько ярким и прекрасным, что дух захватывало. Но я постеснялась делать комплименты.

— Лайлу оставим дома. Она боится больших толп людей, — после этих слов Май повернулся к печально смотрящей на него собаке и наказал: — Теперь ты за главную. Не скучай и не проказничай, договорились?

Было видно, что Лайла будет скучать. Она настолько была привязана к Маю, что не желала расставаться с ним и на минуту. Но иначе ей пришлось бы столкнуться со своим главным страхом — толпой.

Когда Май закрыл за собой калитку, я спросила:

— Почему она боится людей?

— Мы выбрали её на улице. Вероятно, над ней издевались прохожие. Я не знаю наверняка, об истинной причине осведомлена лишь она сама.

В сгущающихся сумерках блистали факелы и фонарики, напоминающие чем-то китайские. Они освещали зелёную дорогу к маленькой рожице. Чем ближе мы подходили, тем больше людей на дороге встречали. Нарядных, весёлых, с масками и венками, с напитками в чашах. Они сбивались по группкам, разговаривали, смеялись. Системы не было, каждый делал, что пожелает.

— А мы наденем маски? — поинтересовалась я.

— Если хочешь, можем приобрести. Сегодня, к слову, всё бесплатно. Единственный день в году, когда ты можешь не тратить ни секунды!

Взгляд упал на лавку, ломящуюся от венков всех возможных расцветок: здесь были белые лилии и синие ирисы, жёлтые розы и отливающий фиолетовым цикорий, алые гладиолусы и розовые пионы. К навесу были прикреплены белоснежные хризантемы, словно хлопья снега, спускающиеся вниз на тонких лесках. Источали цветы ни с чем несравнимый аромат.

— Девушка! — женщина за прилавком перехватила мой заинтересованный взгляд. — Не проходите мимо! Не откажите себе в удовольствии быть самой красивой на сегодняшнем вечере!

Я оглянулась на Мая.

— Конечно! — он понял мой беззвучный вопрос и первым направился в сторону лавки.

— Какой тебе нравится?

Голова закружилась от цветочного великолепия, но взор мой неизменно притягивал венки из массивных воздушных пионов.

Когда я надела его, золотистые глаза Мая, отражающие сотни огней факелов и фонарей, выразили восхищение.

— Ты просто сказочная! По-настоящему сказочная.

— Ваш молодой человек совершенно прав, — улыбнулась женщина.

В лицо ударило жаром.

— Он не...

— Я не...

Мы с Маем одновременно запротестовали, из-за чего тут же одновременно и рассмеялись.

— Прошу прощения! — воскликнула женщина и понизила тон: — Тогда в качестве извинения я сделаю вам исключительное предложение. Может, вам приглянется кое-что необычное? Кое-что дефицитное...

Оправившись от смущения, Май напрягся:

— Уж не хотите ли вы сказать, что у вас есть маковые венки?

Женщина округлила глаза и тут же зашикала:

— Тише! Тише! — она заозиралась вокруг большими от страха глазами. — Есть. Только в ограниченном количестве. Всего за двенадцать минут.

— Вы ещё и продаёте их! — воскликнул Май.

Женщина побелела от ужаса, но не успела она что-либо ответить, как рядом материализовался ещё один человек. Высокий, в чёрном плаще с капюшоном и в маске. Он сверкнул очаровательной белоснежной улыбкой и проворковал:

— Я случайно услышал о вашем эксклюзиве. Покажите, пожалуйста.

— Да как можно! — начал возмущаться Май, но незнакомец в чёрном, сделавшись вдруг чрезвычайно серьёзным, обратил на него свой взгляд. В прорезях элегантной маски, инкрустированной драгоценными камнями, показались два угольно-чёрных глаза. Они сверкнули в нашу сторону, задержались на мне на несколько секунд, а после их обладатель, как ни в чём не бывало, продолжил беседу с продавщицей.

Май, подхватив меня за локоть, поспешно повёл как можно дальше.

— Почему? Почему ты не довёл дело до конца?

Май нахмурился:

— Сдаётся мне, в этом нет необходимости.

До меня тяжело доходила суть его поведения:

— Кто тот мужчина?

— Я не уверен, но... — Май рывком провёл ладонью по лбу, стирая выступившую испарину. — Пойдём. Пионы тебе очень к лицу.

Отчего-то при воспоминании о колком взгляде мужчины в чёрном меня пробирала дрожь. Кто он такой? Почему Май его так испугался? Но у меня не было времени на размышления: ярмарка закружила в круговороте нескончаемых событий.

— Не проходите мимо! Сахарные бабочки!

— Через полчаса! Только сегодня! Премьера новой постановки Ульриха Гальпца! «Похороны невинности»!

— Предсказания! Узнайте свою судьбу за десять минут! Сегодня — бесплатно, в другие дни вам это обойдётся в целый час!

И люди вокруг перешёптывались:

— Целый час, я сэкономлю целый час!

— Пойдём, узнаем, совместимы ли вы с Педро.

А один усатый мужчина, который, видимо, пришёл не ради самого праздника, а в качестве сопровождения радостно озирающейся вокруг дочери, проворчал:

— Шарлатанство...

Ступающий рядом Май поинтересовался:

— Понравилось что-нибудь? Не хочешь подойти к гадалке?

— Хочу, — не задумываясь, ответила я.

Когда очередь дошла до меня, я вошла под полог разноцветного шатра. В центре, в окружении маленьких подушек с кисточками сидела женщина средних лет, облачённая в расшитый

золотистыми нитями восточный костюм. Её жирно подведённые чёрным карандашом глаза вцепились в меня мёртвой хваткой.

— Добрый вечер, — поздоровалась я.

— Дитя ночи приветствует тебя! — перекатистым альтиком произнесла гадалка и плавным жестом, звеня увесистыми браслетами, указала на большую подушку. — Присаживайся. Что тебя интересует? Можешь задать волнующий тебя вопрос, можешь ограничиться информацией по трём основным аспектам: отношения, здоровье и карьера.

— Пожалуй, этим и ограничусь.

Вопросов, на самом деле, было предостаточно, но посторонним я их задавать не собиралась, а в названные сферы они так и так входили. Интересовало меня здоровье близких, в частности — психическое состояние мамы. Интересовало меня, будут ли у меня сердечные отношения с кем-либо, интересовало и то, удастся ли мне самореализоваться.

— Я погадаю тебе на дыме от благовоний. Начнём с... — она выжидающе посмотрела на меня.

— С карьеры.

Чиркнув массивной спичкой, длиной с палец, по коробку, гадалка зажгла четыре палочки с благовониями. Затем нагнулась, шурша множеством цветастых юбок, провела палочками вокруг моей головы и воткнула их в специальные металлические держатели на столе: по одной с каждой стороны света. Ароматный дым тонкими струйками вознёсся к своду шатра, сливаясь в единое облако.

Гадалка издала протяжный горловой звук, а затем начала декламировать:

— Тернистый ждёт путь тебя. Если будешь стараться, во всём преуспеешь, но потратишь столько времени... — она прицокнула языком. — Но иначе никак. Ты упёртая, волевая. Напролом пройдёшь. Будешь гнаться за двумя зайцами всю жизнь и изморишь обоих. Всюду победителем выйдешь.

Даже если это шарлатанство, то весьма точное и изысканное. Я бы хотела этому верить.

— О чём ещё хочешь узнать? — поинтересовалась гадалка, убирая использованные палочки.

— О здоровье близких.

Предсказательница проделала тот же ритуал, расставила уже новые палочки по местам.

— Тревожиться тебе не о чем, дорогая. Хотя и через сложные времена проходят твои близкие, хоть и горбятся их плечи под тяжкими ношами — они им посильны. Не подступится к ним хворь. Но твоя задача в заботе о них. Будь им поддержкой, и тогда через все испытания они пройдут в два раза быстрее и понесут при этом вдвое меньше потерь.

Уж не последовательница ли она культа Мая? Складно говорит.

— А теперь о любви, — улыбнулась женщина, воскуривая новые благовония.

Дым взметнулся ввысь, окутал шатёр, в котором уже было не продохнуть. От пряного запаха начинала кружиться голова.

— Совсем скоро ты завладеешь сердцем одного человека. Одинокий волк, такой же упрямый и бескомпромиссный, как и ты. Увлечённый своим делом, отдающийся ему без остатка. Ты станешь для него исцелением, но любое лекарство в избытке — яд. Будьте осторожны.

Лекарства, одинокий волк...

Май встретил меня в несколько изменившемся облике: волосы его были заплетены в косу и перевязаны атласной лентой, а лицо теперь скрывала маска, декорированная живыми васильками. Золотистые глаза, обрамлённые нежно-голубыми цветками создавали радующее глаз цветовое сочетание. Небо. Облака, позолоченные солнцем.

— Ты долго, — заметил он, но без тени недовольства. — Как тебе предсказания?

— Неплохо. Мне бы хотелось, чтобы они сбылись.

— Они непременно сбудутся! Предсказания этой гадалки сбываются всегда, без исключений.

— Ты её знаешь? — удивилась я.

— Кто её не знает! Она местная знаменитость.

Я поспешила поделиться предположением:

— Мне показалось, она могла быть в числе последователей твоего культа.

Май пригнулся к уху и озабоченно проговорил:

— Не говори о культе так громко! Меня заметили! Видишь, — он покрутил головой, — мне пришлось замаскироваться.

Я не удержалась от смешка.

— Опять просили освятить воду?

Губы Мая скривились:

— Если бы! Просили приложиться к животу беременной женщины. Якобы это должно даровать благополучные роды.

Вечер близился к завершению. Рослые мужчины через толпу начинали проносить брёвна для костра длиной не менее полутора метров. Люди вокруг оживлённо переговаривались. Лица молодёжи оживились. Все были в предвкушении завершающего огненного мазка — костра очищения душ.

— Перед тем, как все встанут в хоровод, следует осушить чарку вина, — пояснял Май. — Но выпить ты должна со случайным человеком. С тем, у которого будет чарка с похожим орнаментом. Согласно древней легенде, это означает, что вы не просто так встретились на пути друг у друга. Если же вы и в хороводе окажетесь рядом, это будет означать ваше истинное душевное родство.

Голова шла кругом: мне пить вино с незнакомым человеком! Хоть бы этим человеком оказался Май! С ним, по крайней мере, не страшно.

Чарки раздавали ряженные, облачённые в костюмы жутких мифических существ, напоминающих кикимор и водяных. Скалясь, то ли играя роль, то ли выражая приветливость, они проходили между людьми и в случайном порядке протягивали напитки. Мне досталась серебряная чарка с маками из красной эмали, Мая — золотистая с лазурными разводами. Он неловко улыбнулся:

— Не судьба. Выходит, мы не родственные души. Тогда можем разделиться. Встретимся здесь же, у цветочной лавки минут через десять. Идёт?

Я кивнула. Май скрылся за нарядами спинами, а я осталась на месте, ожидая, что моя родственная душа сама меня отыщет. Простояла я недолго, пропуская толкающихся людей, увлеченных поиском, разглядывающих мою чарку, останавливающихся рядом подольше, находя отличия в орнаментах. Совсем скоро я почувствовала на себе тяжёлый взгляд, и сердце моё ухнуло. Прямо напротив, в десятке шагов, стоял мужчина в чёрной маске, инкрустированной драгоценными камнями. Тот самый, которого испугался Май. Он смотрел прямо на меня несколько продолжительных мгновений, затем, словно в медленной съёмке поднял изящную фарфоровую руку с тонкими, унизианными кольцами пальцами. Она сжимала серебряную чарку с изображением маков. Мужчина отсалютовал ей, но не успела я, замороженная таинственностью незнакомца, поднять чарку в ответ, как меня отвлекли доносящиеся со стороны лавки с венками оглушительные крики:

— Я не виновата! Не трожь! Я мать, у меня трое детей! Вы не можете со мной так поступить! Убивают! Помогите! — кричала уже знакомая продавщица.

Толпа окружила её, заслонив обзор. Все потеряли интерес к недавней игре, полностью погрузившись в страдания женщины. Все переговаривались между собой, но никто не подходил близко, никто не вступался. Людей как будто что-то сдерживало.

То был страх.

Стук.

Свод лавки и пышные копны белоснежных хризантем, прикрепленных к навесу, оросили красные капли.

Кровь.

Протяжный вопль, срывающийся на хрип. Отчаянные рыдания. Шокированные возгласы.

Толпа расступилась, будто пропуская что-то. Люди отскакивали, с отвращением взирая на землю.

Проложив кровавый след от прилавка, в нескольких шагах от меня упали отрубленные кисти рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.